

А.В. Фененко*

ФАКТОР ТАКТИЧЕСКОГО ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Возобновление в начале 2010-х годов процесса сокращения стратегических ядерных сил России и США повысило роль нестратегических вооружений. Речь идет не только о российском и американском тактическом ядерном оружии (ТЯО), но и о тактических боезарядах третьих ядерных держав. Особую роль играют также неядерные страны, на территории которых размещено американское ТЯО. Проблема сокращения или ограничения ТЯО пока не стала предметом официальных переговоров между ядерными державами, однако сегодня различные варианты ее решения реализуют в трех регионах — Европе, Восточной Азии, Ближнем Востоке. В статье рассмотрены теоретические основы применения ТЯО, обозначены основные препятствия на пути развития диалога по проблемам его сокращения на международном уровне и в каждом из трех указанных регионов; оценены перспективы изменения системы отношений между ядерными и неядерными странами, сложившейся на основе ДНЯО.

Ключевые слова: безопасность, сокращение вооружений, нестратегические вооружения, тактическое ядерное оружие, ДНЯО, безъядерная зона.

Возобновление в начале 2010-х годов процесса сокращения стратегических ядерных сил (СЯС) России и США повысило роль нестратегических вооружений [36]. Речь идет не только о российском и американском тактическом ядерном оружии (ТЯО), но и о тактических боезарядах третьих ядерных держав [60]. Особую роль в этом процессе играют неядерные страны, на территории которых размещено американское ТЯО. Диалог по проблеме нестратегического ядерного оружия может, таким образом, частично изменить систему отношений между ядерными и неядерными странами, сложившуюся на основе Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г. [1].

Проблема сокращения ТЯО пока не стала предметом официальных переговоров между ядерными державами, но к концу прошлого десятилетия в трех регионах (Европе, Восточной Азии, Ближнем Востоке) начали осуществлять различные варианты ограничения нестратегических вооружений. Ядерные и неядерные

* *Фененко Алексей Валериевич* — к.и.н., доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН (e-mail: afenenko@gmail.com).

государства вырабатывают новые подходы по контролю над ТЯО. Проблематика его сокращения или ограничения может перерасти в переговоры по трем стратегически важным для России направлениям:

- 1) сохранение ядерного присутствия США на территории союзников в Евразии;
- 2) соотношение военно-стратегических возможностей России и НАТО в Европе; России, США, КНР и Японии в Восточной Азии;
- 3) реформирование ДНЯО как основы системы международной безопасности.

1

У экспертов нет единого мнения о том, где и когда была разработана теория применения ТЯО. В американской традиции преобладает точка зрения, что приоритет в этой сфере принадлежит Соединенным Штатам [55]. 8 мая 1952 г. министр обороны США Роберт Ловетт заявил о создании атомного артиллерийского орудия. 23 мая 1953 г. на ядерном полигоне в Неваде состоялось первое натурное испытание атомной пушки с 280-мм снарядом мощностью 15 килотонн. В 1954 г. в Лос-Аламосской национальной лаборатории начались работы по созданию ядерной боеголовки W-31 для тактической ракеты «Онест Джон» и боеголовки W-33 для 203-мм артиллерийской атомной установки.

Параллельно шло становление теории применения ТЯО [59]. В 1953 г. появилась работа Ральфа Лэппа «Новая сила», в которой он обосновал возможность использования ТЯО на ограниченном театре военных действий (ТВД) против обычных вооруженных сил. На этой основе республиканская администрация Дуайта Эйзенхауэра (1953–1960) разработала концепцию «нового взгляда» (new look). Она предусматривала размещение американского ТЯО в Европе для компенсации превосходства СССР в обычных вооруженных силах и подтверждения надежности гарантий безопасности европейским членам НАТО со стороны США. В декабре 1957 г. сессия Совета НАТО санкционировала размещение американского ТЯО на территории европейских стран альянса (хотя по факту американские атомные артсистемы стали появляться в ФРГ с осени 1953 г.).

Иной взгляд преобладает в Великобритании. В британской традиции [21] авторство концепции «нового взгляда» приписывают второму кабинету Уинстона Черчилля (1951–1955). В ходе встречи на Бермудских островах (4 декабря 1953 г.) премьер-министр предложил лидерам США и Франции компенсировать посредством ТЯО советское превосходство в обычных вооруженных силах. Обоснова-

ние подобного применения данного вида ядерного оружия было сделано в 1954–1955 гг. португальским генералом (выходцем из Австро-Венгрии) Фердинандом Микше. Его идеи были развиты в коллективной работе «Об ограниченной атомной войне» (1956) [29]. США, по мнению британских исследователей [58], приняли концепцию «ядерной обороны в Европе» (nuclear defense in Europe) в ходе встречи на Багамских островах президента Д. Эйзенхауэра с британским премьер-министром Гарольдом Макмилланом в марте 1957 г.

За этими расхождениями скрывается политический подтекст. Если приоритет в разработке теории применения ТЯО принадлежит США, то европейские страны НАТО приняли американские ядерные гарантии безопасности. Если пальма первенства в этой сфере была у Великобритании, то система американского ядерного присутствия в Европе — результат совместной деятельности всех членов Североатлантического альянса. В первом случае страны Западной Европы выступают как младшие партнеры Соединенных Штатов, во втором у них появляются основания претендовать на автономию от Вашингтона в ядерной сфере.

Однако при любом варианте теории применения ТЯО предстает как результат англосаксонской стратегической культуры. Для нее характерно разделение понятий «безопасность» (security) и «оборона» (defense). Первое предполагает комплекс превентивных мер по предотвращению возникновения потенциальной угрозы (danger), второе — ведение военных действий в том случае, если эти меры окажутся неэффективными и возникнет реальная угроза (threat) территории Великобритании и/или США. Администрация Д. Эйзенхауэра соотнесла оба эти понятия с ядерной политикой. На СЯС возлагали функции сдерживания СССР и КНР, на ТЯО — задачи ведения военных действий, если эта политика потерпит неудачу [45].

Стратегическое и тактическое ядерное оружие имело различные схемы управления: вопросы применения ТЯО находились в ведении военных, в отношении СЯС соответствующие политические решения принимало руководство США. Технической формой контроля за использованием ТЯО стали системы «электронных замков» типа «Permissive action links» (PAL). Преобладает точка зрения, что активизация систем PAL предполагает санкцию высшего военного руководства США и/или НАТО, однако в первой половине 1980-х годов в альянсе обсуждали вопрос о возможности использования ТЯО по непосредственному решению военных [12].

Наиболее полно теория применения ТЯО была разработана в *Соединенных Штатах Америки*. Еще в конце 1950-х годов ведущие американские эксперты (Генри Киссинджер, Герман Кан, Роберт

Осгуд и др.) предложили концепцию «ограниченной ядерной войны» (limited nuclear war) [54]. Речь шла о возможности использования небольшого количества ТЯО на одном или нескольких ТВД [2]. На базе этих разработок администрация Джона Кеннеди (1961–1963) сформулировала концепцию «гибкого реагирования» (flexible response), предполагавшую ведение военных операций различной степени интенсивности, в том числе с применением ограниченного количества ЯО. Новыми направлениями ядерной стратегии США стали концепции «принудительной дипломатии» (coercive diplomacy) и «эскалационного контроля» (escalation control) [59]. *В американской системе ядерного планирования ЯО стали рассматривать как инструмент не только ведения войны на ограниченном ТВД, но и деэскалации гипотетического конфликта.*

Дальнейшим изменениям американская стратегия сдерживания подверглась в середине 1970-х годов. В то время у нее появилась новая задача: не просто удерживать оппонентов от неблагоприятных действий, но побуждать их к совершению определенных шагов. Такая концепция получила название «стратегия принуждения» (compellence). «Младшее поколение» экспертов в области сдерживания (от Колина Грэя и Майкла Макгвайра до Патрика Моргана) считало ее средством достижения победы в ограниченном ядерном конфликте [33]. С того времени среди американских экспертов по стратегическому планированию шли дискуссии о возможности превращения части ТЯО в инструмент ведения боевых действий. Первая подобная дискуссия состоялась на рубеже 1970–1980-х годов, когда администрации Джеймса Картера (1977–1981) и Рональда Рейгана (1981–1989) обсуждали вопрос о целесообразности размещения в Центральной Европе нейтронного оружия [5]. Вторая – в первой половине 2000-х годов, когда глава Белого дома Джордж Буш-младший (2001–2009) санкционировал работы по созданию сверхмалого ЯО (bunker busters), способного поражать высокозащищенные и заглубленные цели без выпадения радиоактивных осадков [6, с. 39] (хотя фактически разработка этого проекта была разрешена администрацией Уильяма Клинтона в 1995 г. [32]).

В СССР концепция использования ТЯО не была частью открытой военной доктрины. В рамках советской стратегии ядерное оружие рассматривали как инструмент ведения военных действий, а не осуществления политики сдерживания [16]. Американские эксперты также полагали, что Кремль, имея превосходство в обычных вооруженных силах, не нуждался в развитой стратегии применения ТЯО [44]. Некоторые подвиги наместились во второй половине 1960-х годов [40]. В унисон с появлением стратегии «гибкого реагирования» советские военные теоретики (Сергей Иванов, Вик-

тор Куликов, Андрей Гречко, Дмитрий Устинов, Владимир Павловский) выделяли пять типов возможных конфликтов:

- скоростную полномасштабную ядерную войну;
- продолжительную ядерную войну с использованием всех типов вооруженных сил;
- большую войну с применением ограниченного количества ЯО;
- большую войну с применением обычного оружия;
- локальную войну с применением обычного оружия.

Среди потенциальных противников в возможной ядерной войне советские эксперты называли не только США и другие страны НАТО, но также КНР. И все же на официальном уровне СССР отвергал сценарии «гибкого» использования ТЯО. В известной Тульской речи 6 ноября 1977 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев (1964–1982) объявил, что Советский Союз отказывается от использования ядерного оружия первым. На официальном уровне «тульское обязательство» СССР было закреплено в 1982 г. В обоих заявлениях различий между стратегическим и тактическим ядерным оружием не было.

Двойственной остается ситуация и в ядерной политике *России*. В «Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» (1993) было исключено обязательство СССР не применять ЯО первым. В документе зафиксированы два сценария использования ядерного оружия: 1) вооруженное нападение ядерной страны на РФ или ее союзников; 2) поддержка агрессора государством, обладающим ЯО [11]. Военная доктрина Российской Федерации 2000 г. допускала возможность отражения агрессии с применением как ядерных, так и обычных вооружений [8]. В Военной доктрине 2010 г. указано: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [11]. В документах, однако, нет разграничения ЯО на стратегическое и тактическое.

В *Великобритании* оригинальные разработки 1950-х годов в области ТЯО не получили развития. После подписания «пакта Нассау» (1962) британский ядерный арсенал был включен в американскую систему ядерного планирования, которое с того времени страна осуществляла только совместно с США. После 1991 г. Великобритания отказалась от ТЯО как особого класса ядерных вооружений.

Расплывчатой остается и ядерная стратегия *Франции*. Официально Париж не проводит разграничений между стратегическим и тактическим ЯО, но авиационный компонент французской стра-

тегической триады относится (по российской и американской классификациям) к тактическому, а не стратегическому оружию. В «Белых книгах по вопросам обороны Франции» 1972, 1994 и 2008 гг. фиксирована двойная роль ЯО в военной политике страны: 1) инструмент предотвращения агрессии посредством сдерживания; 2) способ нанесения неприемлемого ущерба [12]. Однако при этом не было пояснено, какие задачи должно выполнять именно ТЯО.

Ядерная стратегия *КНР* также не проводит различий между стратегическим и тактическим ядерным оружием [4]. С 1964 г. Пекин заявлял, что не применит ЯО первым и против неядерных государств. Китай также не предоставляет в рамках ДНЯО никакой информации о своих ядерных вооружениях. Оценки потенциала *КНР* в этой сфере приблизительны и основаны на экспертных, прежде всего американских, расчетах.

В середине 1990-х годов аналитики Пентагона, изучая действия *КНР* в период Тайванского ракетного кризиса 1996 г. [37], пришли к выводу, что Пекин руководствуется концепцией «ограниченного сдерживания» (limited deterrence). По мнению американских экспертов, эта концепция предполагает нанесение избирательных ударов ТЯО по базам и авианосным группировкам США на Тихом океане, но на официальном уровне Пекин не подтверждал и не опровергал этой версии. Логика данной концепции построена по аналогии со стратегией «гибкого реагирования» администрации Дж. Кеннеди (хотя руководство *КНР* не обязательно должно следовать «теории эскалации» Германа Кана).

Нелегальные ядерные державы (Индия, Пакистан, Израиль, *КНДР*) не проводят на официальном уровне различий между стратегическим и тактическим ЯО [23]. У Индии и Пакистана есть оба класса ядерных вооружений; Израиль, по мнению экспертов, имеет потенциал для создания ТЯО; у *КНДР*, согласно предварительным оценкам, такой возможности пока нет. Эти страны, видимо, располагают ядерными боезарядами различной мощности, однако в открытых документах по их ядерной стратегии ТЯО не выделено в самостоятельный класс вооружений и не решает определенного комплекса задач [24]. При моделировании сценариев возможного применения ТЯО со стороны перечисленных государств аналитики, как и в случае с *КНР*, проводят параллели с американской ядерной стратегией 1960-х годов.

Диалог по проблемам сокращения ТЯО в настоящее время затруднен в связи с рядом объективных причин. На международно-правовом уровне нет общего понимания термина «тактическое

ядерное оружие» [28]. Теоретически оно включает класс ядерных вооружений, который не относится ни к СЯО, ни к ядерному оружию средней и меньшей дальности. Речь идет о ядерном оружии с радиусом действия менее 500 км.

Однако в американской традиции к ТЯО (tactical nuclear weapons) относится ядерное оружие малой дальности (до 800 км). В советской/российской традиции разделены понятия «тактическое ядерное оружие» (дальность действия до 1000 км) и «оперативно-тактическое ядерное оружие» (дальность действия до 500 км).

Американские эксперты используют термин «нестратегическое ядерное оружие» (non-strategic nuclear weapons), который объединяет ТЯО, ядерное оружие на ракетах средней и меньшей дальности (РСМД), крылатые ракеты. Теоретически к этому классу вооружений относится и американская система передового базирования (forward-based systems – FBS). Советские и российские военные, как правило, не оперировали этим термином. В ходе Женевских переговоров 1980-х годов СССР и США определили, что к ТЯО относятся ракеты с радиусом до 1000 км, авиабомбы самолетов фронтовой авиации, артиллерийские снаряды, мины, фугасы, крылатые ракеты морского базирования. Однако общего определения термина «тактическое ядерное оружие» выработано не было [3].

Другая сложность – отсутствие точных данных о количестве ТЯО. Стокгольмский институт проблем мира и безопасности (СИПРИ) провел оценку запасов данного вида вооружений у различных ядерных держав к началу 2011 г. (таблица).

**Запасы тактического ядерного оружия в мире в начале 2011 г.
(по данным СИПРИ [10])**

Страна	Оперативно-развернутое ТЯО (в количестве боезарядов)	Складированное ТЯО (в количестве боезарядов)
США	Около 500	3000–5000
Российская Федерация	Около 2000	8000–10000
КНР	100–200	?
Израиль	60–200	?
Франция	Около 60	?
Пакистан	Около 60	?
Индия	Около 50	?
КНДР	6–10	0
Великобритания	0	?

Эти расчеты, однако, носят приблизительный характер и официально не подтверждены. США и Россия в 1991–1992 гг. взяли на себя добровольные обязательства сократить количество ТЯО, но до настоящего времени нет официальной информации о том, сколько такого оружия было ликвидировано, а сколько складировано. Москва и Вашингтон не дали официальных разъяснений и о том, какая часть складированного ТЯО находится в дееспособном, а какая – в разобранном состоянии (и сколько времени понадобится для его сборки и возвращения на боевые позиции). Неясно также, было ли продиктовано стремление сторон ликвидировать часть запасов ТЯО их «доброй волей» или желанием уничтожить боезаряды, выработавшие ресурс. Многие из них были поставлены на вооружение в 1960-х или даже 1950-х годах.

Сложнее ситуация с другими ядерными державами [30]. Великобритания после 1991 г. официально отказалась от ТЯО, Франция и КНР сохраняют этот класс вооружений. Вместе с тем на ядерные потенциалы Лондона, Парижа и Пекина не распространяются международно-правовые ограничения, тем более – система мер доверия. Нет подтвержденной информации о количестве ТЯО в структуре ядерных потенциалов Индии, Пакистана и Израиля. Под вопросом остается способность КНДР создавать транспортные ядерные боезаряды. Испытания в 2006 и 2009 гг. доказали только наличие у Пхеньяна технических возможностей для производства ядерных взрывных устройств.

Третья проблема – отсутствие критериев разделения стратегического и тактического ядерного оружия [3]. Теоретически оно различается по двум параметрам: дальности радиуса действия носителей и мощности используемых ядерных боезарядов. Иногда добавляют третий признак – «тип носителя». В такой трактовке ТЯО означает тип ядерных вооружений, используемых фронтовыми носителями ядерного оружия.

На практике эти критерии действуют не всегда [7]. Стратегическая и тактическая авиация часто применяет одинаковые по мощности типы ядерных боезарядов. Крылатые ракеты морского базирования большой дальности (более 600 км) могут быть размещены как на кораблях, так и на многоцелевых подводных лодках. Одни и те же ядерные боезаряды могут также иметь разную мощность в зависимости от типа используемого носителя (например, американскую авиабомбу В61-3, предназначенную для тактической авиации, можно использовать в четырех вариантах – с выделением 0,3, 1,5, 60 или 170 килотонн).

Есть коллизии и с определением типов носителей ТЯО [7]. Американские атомные подводные лодки, размещенные в портах европейских союзников по НАТО, входят в состав FBS. Советские

и российские эксперты рассматривали FBS как часть СЯС США, американские – как размещенное на территории союзников нестратегическое ядерное оружие. Крылатые ракеты морского базирования по дальности полета часто превосходят баллистические ракеты на подводных лодках (БРПЛ), но относятся к тактическому, а не стратегическому ЯО. Крылатые ракеты воздушного базирования могут относиться как к стратегическому (стратегическая авиация), так и к тактическому (фронтовая авиация) ядерному оружию. Немалую роль играет и фактор дальности используемых крылатых ракет воздушного базирования. В зависимости от него бомбардировщик может действовать на стратегическом или нестратегическом уровне.

Еще большие трудности вызывает проблема носителей двойного назначения, которыми могут быть средние бомбардировщики, истребители-бомбардировщики, наступательные ракеты малой дальности и зенитные ракеты, боевые средства кораблей и подводных лодок, крупнокалиберная ствольная артиллерия. Ограничение или ликвидацию ТЯО невозможно осуществлять и контролировать посредством уничтожения пусковых установок, носителей или платформ. Значительное сокращение ТЯО по методике СНВ (зачет и боезарядов, и носителей) повлекло бы за собой урезание систем вооружений ВВС, ВМС, сухопутных войск и систем ПВО ядерных держав.

Неурегулированность данной проблемы создает трудности для диалога по контролю над обычными вооруженными силами. В Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) 1990 г. введены равные лимиты для НАТО и ОВД на пять категорий вооружений: танки, артиллерийские системы, боевые бронированные машины, боевые самолеты и ударные вертолеты. С 2009 г. Россия и страны альянса ведут консультации о возможности модернизации ДОВСЕ. Процесс сокращения ТЯО ставит вопрос о необходимости уничтожения систем двойного назначения для артиллерии и фронтовой авиации. Это ведет к неоправданному расширению предмета обсуждения в данной сфере.

Сложной проблемой остается правовая основа переговоров о сокращении ТЯО [24]. Статьи I–III ДНЯО запрещают ядерным державам передавать ЯО (как стратегическое, так и тактическое) неядерным государствам. Однако ДНЯО не запрещает нахождения ядерного оружия одной страны на территории неядерного государства при условии, что последнее не допущено к процессу управления этим потенциалом.

Двусмысленной остается VII статья ДНЯО. Ее формулировка гласит, что «никакое положение настоящего Договора не затрагивает права какой-либо группы государств заключать региональные

договоры с целью обеспечить полное отсутствие ядерного оружия на их соответствующих территориях». Из этого *по факту* следует вывод, что неядерным государствам разрешено заключать договоры с ядерными державами об их ядерном присутствии на своих территориях. Начало переговоров о сокращении ТЯО может поставить вопрос о трансформации режима нераспространения ядерного оружия. Это обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, такие переговоры потребуют уточнения формулировки VII статьи ДНЯО. Необходимо определить возможность (или невозможность) участия неядерных государств в процессе обсуждения условий вывода ТЯО.

Во-вторых, переговоры поставят под сомнение гарантии безопасности, обеспечиваемые ядерными державами своим союзникам. Речь прежде всего идет об американском ядерном присутствии на территории союзников. Пересмотр VI статьи ДНЯО потребует изменить логику отношений в НАТО, а также союзных договоров США с Японией и Южной Кореей.

В-третьих, возникают правовые коллизии с режимом «безъядерных зон». Прежде их создание было прерогативой неядерных государств. Ситуация изменится, если последние будут исключены из переговорного процесса по сокращению ТЯО. Переговоры по ядерному разоружению станут прерогативой исключительно ядерных держав. Имеют ли право неядерные страны создавать «безъядерные зоны»?

В-четвертых, вызывает тревогу само стремление уточнить VII статью ДНЯО. С момента вступления в силу этого договора (1970) не было прецедентов пересмотра отдельных его статей. Ядерные и неядерные державы старались не менять текста документа, решая спорные вопросы посредством создания дополнительных институтов (вроде Группы ядерных поставщиков или Комитета Цангера). Поправки к VII статье ДНЯО могут стать первым прецедентом частичного пересмотра договора.

3

Наиболее интенсивный диалог по проблеме ТЯО происходит в Европе, где на протяжении последних 50 лет было четыре всплеска интереса к вопросу сокращения данного вида вооружений [56].

Первый всплеск пришелся на рубеж 1950–1960-х годов. После решений Совета НАТО в декабре 1957 г. американское ТЯО было развернуто на территории Великобритании, ФРГ, Нидерландов, Бельгии, Италии и Турции. США и страны Западной Европы обсуждали проект создания Многосторонних ядерных сил НАТО (МСЯС). В 1958 г. министр обороны ФРГ Оскар Штраус предло-

жил учредить «Европейское оборонительное сообщество» для управления американским ТЯО в Европе. Администрация Д. Эйзенхауэра поддержала этот проект. В 1959 г. Соединенные Штаты выдвинули концепцию «ядерного участия» (nuclear sharing) – обсуждения с союзниками по НАТО вопросов использования ТЯО. В 1961 г. администрация Дж. Кеннеди приняла концепцию «двойного ключа» (double keys), предполагавшую создание системы совместного контроля США и западноевропейских союзников над этими вооружениями, размещенными Соединенными Штатами в Европе.

Позиция СССР относительно американского ядерного присутствия на территории европейских стран была негативной. Советское руководство с конца 1950-х годов видело в нем механизм потенциальной агрессии, особенно опасаясь допуска к ядерному оружию ФРГ. В 1958 г. министр иностранных дел Польши Адам Рапацкий при поддержке СССР выдвинул план создания «безъядерной зоны» в Центрально-Восточной Европе. Страны НАТО, однако, отказались от «плана Рапацкого» из-за превосходства Советского Союза в обычных вооруженных силах. 23 декабря 1960 г. последовало жесткое заявление министра иностранных дел СССР Андрея Громыко о том, что допуск ФРГ к ядерному оружию может стать «casus belli» для новой войны в Европе.

Серьезность намерений Москвы предотвратить доступ Западной Германии к «ядерной кнопке» подтвердил Второй Берлинский кризис в августе 1961 г. Его итоги создали новую систему управления американским ТЯО в Европе. 18 декабря 1962 г. премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан и президент США Дж. Кеннеди подписали «пакт Нассау», включивший британский ядерный потенциал в американскую систему ядерного планирования. В 1965 г. вместо МСЯС была создана Группа ядерного планирования НАТО (Nuclear Planning Group). Она координирует ядерную политику альянса, но не имеет права осуществлять оперативный контроль над размещенным в Европе американским ТЯО. Концепцию «двойного ключа» стали применять, таким образом, только к узкой сфере американо-британских отношений. На территории других стран НАТО тактическое ядерное оружие перешло под жесткий контроль Соединенных Штатов.

Второй всплеск интереса к проблеме ТЯО пришелся на рубеж 1980–1990-х годов [34]. До того времени СССР безуспешно пытался начать переговоры о контроле над этими вооружениями в Европе. Советское руководство придерживалось концепции «одинаковой безопасности», согласно которой для СССР американское ядерное оружие на территории европейских стран было не тактическим, а стратегическим. В ходе неудачных переговоров 1967–

1968 г. председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин настаивал на учете фактора ТЯО в стратегическом балансе. На Хельсинских переговорах 1969–1970 г. советская сторона добивалась включения проблем сокращения ТЯО в переговорную повестку в обмен на согласие начать обсуждение ограничения систем ПРО. Во время Женевских переговоров 1981–1983 г. Кремль настоял на выделении вопроса о сокращении ТЯО в особый переговорный пакет. Все эти инициативы, однако, успеха не имели.

Ситуация изменилась в конце 1980-х годов, когда возникла проблема объединения Германии – страны, теоретически способной создать собственный ядерный потенциал. В ходе переговоров 1989–1990 г. было решено, что за ФРГ останется право самостоятельного выбора блокового или безблокового статуса. На практике это означало продолжение членства объединенной Германии в НАТО и сохранение на ее территории американского ТЯО. Московский договор 12 сентября 1990 г. подтвердил международные гарантии неядерного статуса ФРГ, но сохранил в силе ряд ограничений немецкого суверенитета. Германия, в частности, по-прежнему не имела доступа к управлению размещенным на ее территории американским ТЯО, которое Вашингтон также мог перемещать внутри страны без уведомления Берлина.

29 мая 1990 г. президенты СССР и США договорились о сокращении количества ТЯО в Европе при одновременном снижении степени его боеготовности. 17 сентября 1991 г. Джордж Буш-старший (1989–1992) заявил о конкретных шагах Вашингтона в этом направлении. Инициатива Белого дома предусматривала:

- вывоз на территорию Соединенных Штатов всех артиллерийских снарядов и боеголовок тактических ракет с их последующей ликвидацией;
- снятие ТЯО с надводных кораблей и многоцелевых подлодок, а также базирующейся на суше морской авиации;
- снятие всех ядерных крылатых ракет типа «Томагавк» с кораблей и авиабомб на авианосцах;
- ликвидацию части боеголовок морского базирования;
- сохранение в Европе потенциала ТЯО воздушного базирования.

27 сентября 1991 г. президент СССР Михаил Горбачев (1985–1991) заявил о готовности Москвы реализовать симметричные меры по сокращению ТЯО. Эти меры были конкретизированы в изданном российским президентом Борисом Ельциным (1991–1999) заявлении «О политике России в области ограничения и сокращения вооружений» от 29 января 1992 г. В нем было указано, что в Российской Федерации прекращено производство ядерных артиллерийских снарядов и боеголовок ракет наземного базирования, а все запасы таких боезарядов будут уничтожены. Россия обязалась также

снять ТЯО с надводных кораблей и многоцелевых подлодок, ликвидировать их на одну треть и сократить наполовину количество боеголовок зенитных ракет и авиабомб. В заявлении была отмечена и возможность вывода российского ТЯО с боевых позиций.

До настоящего времени точных данных о выполнении обеими странами взятых на себя обязательств 1991–1992 гг. нет. Соединенные Штаты как будто сократили количество оперативно-развернутого ТЯО с 11 500 единиц в 1991 г. до 500 единиц в 2011 г. Из них около 200 авиабомб типа В-61 размещены на шести складах в пяти странах НАТО (Бельгии, Италии, Нидерландах, Турции, Германии), еще 100 находятся в резерве, а Военно-морской флот США имеет 100 крылатых ракет морского базирования с ядерными боеголовками типа «Томагавк».

Россия сократила количество ТЯО с 22 000 единиц в 1991 г. до 2000 единиц в 2011 г. По российским официальным данным, к 2000 г. все ТЯО флота и авиации ВМФ было перемещено на централизованные хранилища, а 30% ликвидировано; уничтожено 50% ТЯО ВВС и 50% боеголовок зенитных ракет ПВО, частично ликвидированы ядерные боеголовки артиллерии, тактических ракет и мин Сухопутных войск. Российский арсенал ТЯО предположительно включает:

- около 500 боезарядов для бомбардировщиков средней дальности Ту-22М3 и фронтовых бомбардировщиков типа Су-24 и Су-27ИБ/Су-34;
- около 300 авиационных ракет и бомб морской авиации;
- около 500 противокорабельных, противолодочных, противовоздушных ракет (из них до 250 ядерных крылатых ракет морского базирования большой дальности);
- около 630 единиц боезарядов на зенитных ракетах С-300, С-400 и других системах ПВО.

Третий всплеск интереса к проблеме сокращения ТЯО был связан с начавшимся в 1994 г. расширением НАТО на Восток [20]. На Московском саммите 9–11 мая 1995 г. президенты России и США договорились, что этот процесс будет происходить постепенно, с учетом российских интересов и при одновременном усилении политической составляющей блока. Однако 20 сентября 1995 г. НАТО опубликовала «Исследование о расширении Североатлантического альянса». Документ постулировал: 1) сохранение основ ядерной политики организации (включая право на нанесение первого ядерного удара); 2) право НАТО определять состав военной инфраструктуры на своей территории без соглашений с другими странами. В России эти решения были восприняты как фактический отказ Белого дома от соблюдения «московских договоренностей». Появились опасения, что Соединенные Штаты могут раз-

вернуть ТЯО на территории новых членов альянса, т.е. вблизи российских границ.

Осенью 1996 г. министр иностранных дел РФ Евгений Примаков несколько раз указал, что неразмещение ЯО на территории будущих участников блока — одно из условий согласия России с процессом расширения НАТО на Восток [17]. Администрация У. Клинтона, однако, не поддержала Кремль в этом вопросе из-за опасения разделения блока на «полноценных» и «неполноценных» членов. Параметры компромисса были согласованы в ходе визита в Москву госсекретаря США Мадлен Олбрайт (21–41 февраля 1997 г.) и встречи Е. Примакова с генеральным секретарем НАТО Хавьером Соланой в Люксембурге (6 мая 1997 г.).

Московские и люксембургские договоренности легли в основу подписанного 27 мая 1997 г. «Основополагающего акта Россия — НАТО» [18]. В документе было зафиксировано отсутствие у Североатлантического альянса намерений размещать ЯО на территории его новых членов. Это, впрочем, не означало, что такие планы не появятся у НАТО в будущем. Стороны также декларировали стремление возобновить переговоры о создании «безъядерной зоны» в Центрально-Восточной Европе, т.е. вернуться к «плану Рапацкого» 1958 г. Россия подтвердила свое заявление от 19 апреля 1996 г. о возможности выхода из Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) в случае появления ЯО на территории новых членов НАТО [31].

Формально ни Москва, ни Вашингтон не нарушили условий «Основополагающего акта» [15], но администрация Дж. Буша-мл. изменила подход к проблеме ТЯО. 15 мая 2003 г. 18 бывших деятелей администрации США опубликовали статью «За обновление трансатлантического партнерства». Речь шла о необходимости придать новый импульс НАТО, включая сохранение ядерной политики. Эти задачи были подтверждены в «Национальной стратегии борьбы с распространением оружия массового поражения» (2006) и «Национальной военной стратегии США» (2008). Вашингтон ставил перед собой две цели: 1) сокращение превосходства России по ТЯО; 2) сохранение американского ядерного присутствия в Европе [46; 51].

Четвертый всплеск интереса к проблеме ограничения ТЯО пришелся на рубеж 2000–2010-х годов [38]. В Пражской речи 5 апреля 2009 г. президент Барак Обама объявил ликвидацию данного вида вооружений важным шагом на пути к построению «безъядерного мира» (nuclear-free world). Это вызвало большой интерес в Германии: 24 апреля 2009 г. Бундестаг рекомендовал правительству рассмотреть вопрос о возможности вывода американского ТЯО из ФРГ. К началу 2010 г. германский министр иностранных дел Гидо

Вестервелле заручился поддержкой Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Норвегии и на конференции по безопасности в Мюнхене 6 февраля 2010 г. поставил вопрос о целесообразности сохранения американского ТЯО в Европе.

Такой подход Германии вызвал негативную реакцию американского и британского истеблишмента. В феврале 2010 г. Франклин Миллер (бывший специальный помощник президента США), Джордж Робертсон (бывший генсек НАТО) и Кори Шейк (научный сотрудник Института Гувера) подготовили специальный доклад с критикой немецкой позиции. Основной их упрек заключался в том, что Берлин подрывает механизм американских гарантий безопасности союзникам по НАТО. В негативном ключе отзывались о предложениях Берлина и госсекретарь США Хиллари Клинтон. На Таллинском саммите НАТО (21–22 апреля 2010 г.) американская дипломатия добилась принятия формулы, что вопрос о выводе ТЯО – прерогатива всего альянса, а не отдельных его членов. «Таллиннская формула» фактически блокировала немецкие инициативы.

Ответом дипломатии ФРГ стали попытки присоединиться к российско-американским консультациям по ТЯО. В феврале 2010 г. с предложениями по сокращению этих вооружений в Европе выступили министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт и министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский. Оба эти политика не одобряли «инициативы Вестервелле» 2010 г. Сегодня и Белый дом, и Кремль предлагают сделать «инициативу Бильдта–Сикорского» основой переговорного процесса в этой сфере [19].

Шансом ФРГ на вывод американского ядерного оружия становится включение вопроса о сокращении ТЯО в повестку Евроатлантической инициативы безопасности. Один из ее сопредседателей – немецкий дипломат Вольфганг Ишингер – пытался поднять эту проблему в феврале 2012 г. на Мюнхенской конференции по безопасности. Это неслучайно, ведь возможный вывод американского ТЯО из ФРГ влечет за собой группу проблем.

1. Германия лишится американских ядерных гарантий безопасности. Будет ли она укреплять свои вооруженные силы? Если да, то как это будет соотноситься с ограничениями Московского договора 1990 г.?

2. Государства Центрально-Восточной Европы не доверяют немецкой политике. Сокращение размещенного США вооружения в Германии, скорее всего, побудит Польшу, Чехию, Словакию, страны Прибалтики расширить американское присутствие на своих территориях. Возникнет проблема модернизации системы консультаций Германии с союзниками по НАТО.

3. Усиление военной самостоятельности ФРГ приведет к постановке вопроса о подписании полноценного мирного договора Берлина с «державами-победительницами». Произойдет своего рода легализация этой темы, в результате чего возникнут коллизии с запретом Германии требовать вывода иностранных войск (включая союзнические) со своей территории до подписания мирного договора.

4. Вопросы о ликвидации американского ТЯО способны повлечь за собой референдумы в Германии, которые могут стать прецедентами проведения всенародных голосований по военно-политическим проблемам.

Неудачными оказались и попытки Соединенных Штатов наладить диалог по ТЯО с Россией [43]. В «Обзоре ядерной политики США» (2010) отмечено, что Вашингтон поддерживает «инициативу Бильдта–Сикорского». 24 декабря 2010 г. Конгресс ратифицировал Договор СНВ-3 на условиях обязательного начала переговоров с РФ по ТЯО. Однако для России тактическое оружие останется в обозримой перспективе средством компенсации превосходства НАТО в обычных вооружениях. 24 декабря 2010 г. министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил, что Москва возобновит переговоры по ТЯО в случае выполнения США условий Договора СНВ-3, решения проблемы «ЕвроПРО», восстановления контроля над обычными вооруженными силами в Европе и предотвращения милитаризации космоса. 1 марта 2011 г. глава МИД России отметил, что сокращение ТЯО необходимо начинать с его вывода на территорию страны, которой оно принадлежит. Эти предложения, однако, не нашли поддержки со стороны Белого дома, и российско-американский диалог по проблеме ограничения ТЯО был заморожен.

К началу 2010-х годов в Европе сложились два переговорных пакета по тактическому оружию: 1) сохранение американского ядерного присутствия на территории европейских стран НАТО; 2) сокращение российского и американского ТЯО. В настоящее время оба диалога блокированы, однако дискуссии 2009–2010 гг. связали их в единую переговорную систему. Обсуждение вопроса о ТЯО в Европе вышло за рамки российско-американских отношений и приобрело многосторонний характер.

Иной вариант диалога по тактическому ядерному оружию осуществляется в Азиатско-Тихоокеанском регионе [4; 24], где ключевой проблемой было не советско-американское противостояние, а отношения СССР/России и США с КНР и Японией.

С середины 1960-х годов Москва и Пекин сосредоточили на советско-китайской границе крупные запасы ТЯО (точных данных о количестве боезарядов в настоящее время нет). Советскому Союзу это позволяло компенсировать превосходство КНР в живой силе, а Китай посредством тактического оружия стремился блокировать материально-техническую мощь Советской армии. После военно-политического кризиса 1969 г. американские эксперты с большой долей вероятности прогнозировали возможность применения ТЯО в гипотетическом конфликте СССР и КНР.

Однако странам удалось решить эту проблему: в ходе визита в Пекин генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева в июне 1989 г. лидеры обоих государств договорились о принципах размежевания советско-китайской границы и выводе ТЯО с приграничной территории. Договоренности были подтверждены во время визита президента России Б. Ельцина в Пекин в декабре 1992 г. На их основе в 1996 г. стороны запустили «Шанхайский процесс» повышения мер доверия в приграничных регионах. 25 марта 1996 г. был подписан российско-китайский протокол о выводе ТЯО с приграничной территории. По условиям российско-китайского «большого договора» 2001 г. Москва и Пекин обязались не нацеливать ядерное оружие друг на друга [22].

Для Соединенных Штатов приоритетной проблемой в вопросах ТЯО традиционно были отношения с Японией. К 1991 г. Вашингтон развернул на ее территории, а также в Южной Корее около 1000 единиц тактических боезарядов, но Токио неоднократно высказывал сомнения в надежности американских ядерных гарантий безопасности. В 1957 г. премьер-министр Японии Нобусукэ Киси (1957–1960) заявил, что при определенных условиях страна может создать собственное ЯО. Официальный Токио подтвердил это в 1964 г. после ядерных испытаний КНР. В 1969 г. правительство Японии издало документ «Основные принципы дипломатической политики нашей страны», постулировав намерение создать ядерное оружие при ослаблении ядерного зонтика США.

Эти события побудили администрацию Ричарда Никсона (1969–1974) модернизировать систему американо-японского партнерства. В 1971 г. правительство Эйсаку Сато (1964–1972) под давлением США провозгласило «три неядерных принципа»: не иметь, не производить и не ввозить ядерного оружия. Япония присоединилась к ДНЯО в качестве неядерного государства, Соединенные Штаты, в свою очередь, отказались от развертывания ТЯО на ее территории. Тактические боезаряды были перебазированы на американские военные корабли в японских территориальных водах. Эти корабли в соответствии с нормами международного права являются частью суверенной территории США.

После распада Советского Союза в 1991 г. центральным вопросом ядерной повестки в регионе стало противостояние на Корейском полуострове. В 1991 г. лидеры КНДР и Южной Кореи подписали Декларацию о денуклеаризации Корейского полуострова, который должен был стать «безъядерной зоной», т.е. свободным от ядерного оружия. По условиям «Рамочного соглашения» с КНДР от 21 октября 1994 г. администрация У. Клинтона также обязалась вывести американское ТЯО с Корейского полуострова в обмен на остановку северокорейской программы наработки плутония. Тактическое оружие было перебазировано на американские военные корабли, находившиеся в южнокорейских территориальных водах.

Действия США привели к новой вспышке напряженности на Корейском полуострове. 25 марта 2000 г. КНДР обвинила Вашингтон и Сеул в несоблюдении условий «Рамочного соглашения» из-за пребывания американского ТЯО в территориальных водах Южной Кореи. Администрация У. Клинтона заявила, что тактические боезаряды были выведены с полуострова и находятся на американских военных кораблях, которые являются частью суверенной территории США. В апреле 2000 г. между Вашингтоном и Пхеньяном шла дипломатическая полемика по вопросу о соблюдении «Рамочного соглашения». Повторные обвинения Соединенным Штатам КНДР предъявила во время визита госсекретаря Колина Пауэлла в Пхеньян 3–5 октября 2002 г., а в декабре Северная Корея вышла из соглашения, мотивировав это в том числе сохранением американского ТЯО на Корейском полуострове.

Вопрос о полном выводе Соединенными Штатами тактического оружия с этой территории был поднят в ходе шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР (2003–2005). Ожидаемый эффект, однако, достигнут не был: Вашингтон и Пхеньян остались на своих позициях, но развитие северокорейской ядерной программы возродило опасения Японии в отношении надежности ядерных гарантий США. Летом 2002 г. некоторые видные японские политики (в том числе будущий премьер-министр Ясуо Фукуа) подтвердили, что Токио может рассмотреть вопрос о создании собственного ЯО в случае ослабления внимания США к ситуации на Корейском полуострове. Тревоги усилились после провала шестисторонних переговоров и ядерного испытания КНДР 9 октября 2006 г.: в ноябре японский парламент провел слушания о возможности создания собственного ядерного оружия и допустимости такого шага с точки зрения Конституции страны. США пришлось вновь выстраивать диалог по ТЯО с Японией и Южной Кореей.

В отношениях с последней Вашингтон занял твердую позицию. 21 апреля 2010 г. министр иностранных дел Республики Корея Ю

Мен Хван опроверг возможность повторного размещения американского ТЯО на южнокорейской территории. Однако 23 ноября 2010 г. КНДР демонстративно обстреляла южнокорейский остров Йонпхендо, что стало крупнейшей военной акцией со времен Корейской войны 1950–1953 гг. В феврале 2011 г. парламент Южной Кореи провел слушания о возможности возвращения американского ТЯО на полуостров, а 2 марта 2011 г. посол США в Южной Корее Кэтрин Стивенс подтвердила, что Вашингтон не выступает за его полную денуклеаризацию. Администрация Б. Обамы, по-видимому, рассчитывает на возобновление диалога с КНДР. Белый дом также опасается ответных мер Китая в случае возвращения американского ТЯО в Южную Корею.

Иного подхода США придерживаются в отношении с Японией. Зимой 2007 г. Токио под давлением администрации Дж. Буш-мл. свернул дискуссии о возможности приобретения ядерного оружия. Однако в марте 2010 г. японское правительство признало существование секретных договоренностей 1960-х годов о возвращении американского ТЯО на Японский архипелаг (в первую очередь на американскую базу в Окинаве) в критической ситуации. Особое соглашение 1960 г. дало США право осуществлять транзит самолетов и кораблей с ядерным оружием через японскую территорию без предварительных консультаций с правительством страны. 17 марта 2010 г. МИД Японии подтвердил, что при «особых обстоятельствах» в японские порты могут заходить американские корабли с ядерным оружием. Эти заявления эксперты расценили как создание Токио прецедента для пересмотра «трех неядерных принципов».

При этом США пытаются предотвратить рост самостоятельности Японии в ядерной сфере [38]. Трения между Вашингтоном и Токио усилились после того, как в сентябре 2009 г. на выборах в Японии победила оппозиционная Демократическая партия. Новый премьер-министр Юкио Хатояма пообещал пересмотреть договор о базировании американской военной базы на Окинаве и начать диверсификацию японской внешней политики в рамках создания Восточноазиатского содружества. Эта попытка встретила резкое неприятие Вашингтона и окончилась отставкой Ю. Хатоямы 2 июня 2010 г. В новом составе правительства Демократической партии, сформированном в сентябре 2010 г., пост министра иностранных дел занял Сейдзи Маехара, убежденный сторонник укрепления связей с США. Его стратегия сводилась в том числе к подтверждению незыблемости американских ядерных гарантий безопасности Японии. Сформированное в сентябре 2011 г. правительство Йосихико Нода не заявило о пересмотре этой стратегии.

Таким образом, сегодня налицо сложный переговорный комплекс по проблемам размещения американского ТЯО в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ключевую роль в этом диалоге играют не отношения США с потенциальными противниками (Россией, КНР и КНДР), а система взаимодействия Вашингтона с союзниками (Японией и Южной Кореей). Сеул и Токио стремятся расширить свою военно-политическую самостоятельность [63], однако для американской стороны важно сохранить саму возможность (пусть и виртуальную) ядерного присутствия на территории этих стран.

5

Особый вариант дискуссий по проблемам тактических вооружений осуществляется на Ближнем Востоке [23]. В этом регионе нет официальных переговоров о сокращении американского ТЯО, размещенного в Турции или, возможно, на ВМС США в Персидском заливе. Ключевую роль играет проблема ядерного потенциала Израиля. На официальном уровне Тель-Авив не подтверждает и не опровергает факта наличия у него ЯО, но по неофициальным данным израильский ядерный потенциал насчитывает до 200 боезарядов. Их носителями могут выступать баллистические ракеты малой и средней дальности «Иерихон-1» и «Иерихон-2», а также модернизированные американские самолеты «Фантом» (F-4E, F-16 и F-15). По американской и российской градации такой парк носителей относится к нестратегическим вооружениям.

Потенциальными противниками Израиля выступают, однако, не отдаленные ядерные державы, а сопредельные арабские страны, включая Иран. До настоящего времени только Египет и Иордания заключили мирные договоры с Израилем и признают его право на существование как суверенного государства. В этой связи ядерная доктрина Тель-Авива (известная в основном по многочисленным утечкам в СМИ) ставит перед тактическим ЯО стратегические задачи:

- сдерживание потенциальных противников посредством угрозы нанесения неприемлемого ущерба;
- нанесение контрценностного ядерного удара по противнику в случае использования ЯО против Израиля;
- нанесение контрценностного ядерного удара по противнику в случае поражения Израиля в войне с использованием конвенционального оружия.

Арабские страны, в свою очередь, используют тематику ядерного разоружения для ликвидации или, по крайней мере, ослабления израильского ядерного потенциала. Еще в 1974 г. Египет вы-

двинул проект создания «безъядерной зоны» на Ближнем Востоке, предполагавший уничтожение израильских ядерных вооружений и вывод из региона американского ТЯО. Это шло вразрез с интересами США, Израиля, Турции, отчасти Саудовской Аравии и Кувейта, поэтому в 1970-х и 1980-х годах данный проект был малореалистичным.

Ситуация изменилась в середине 1990-х годов. Весной 1995 г. в Нью-Йорке состоялась конференция по бессрочному продлению ДНЯО. Для достижения договоренности легальным ядерным державам были важны голоса арабских стран. Последние, однако, готовы были поддержать данную инициативу в обмен на создание «безъядерной зоны» на Ближнем Востоке. В ответ правительство Ицхака Рабина (1992–1995) в лице министра иностранных дел Шимона Переса заявило, что это возможно лишь в том случае, если все арабские страны (включая Иран) признают право Израиля на существование и заключат с ним всеобъемлющий мирный договор. Соединенные Штаты ради спасения ДНЯО стали побуждать Тель-Авив к переговорам, 11 мая 1995 г. Нью-Йоркская конференция рекомендовала Израилю присоединиться к договору. Эти усилия увенчались лишь частичным успехом: 25 сентября 1996 г. Израиль под давлением Вашингтона подписал ДВЗЯИ.

Однако переговоры о создании «безъядерной зоны» на Ближнем Востоке завершились неудачно. После убийства И. Рабина 4 ноября 1995 г. к власти в Израиле пришел консервативный кабинет Биньямина Нетаньяху (1996–1999), и Тель-Авив устранился от дальнейшего обсуждения этого вопроса. 11 августа 1998 г. израильское правительство приняло решение не открывать центр в Димоне для инспекций МАГАТЭ и отказалось от участия в дискуссиях вокруг Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях (ДЗПРМ). 20 ноября 2000 г. Израиль проголосовал против внесенных Египтом проектов резолюций Генеральной Ассамблеи ООН «Установление безъядерной зоны в регионе Ближнего Востока» (A/RES/55/30) и «Риск ядерного распространения на Ближнем Востоке» (A/RES/55/36). Эти действия означали фактическое дезавуирование заявлений Ш. Переса 1995 г.

Отказ Израиля от создания «безъядерной зоны» вызвал негативную реакцию арабских государств. Последовала серия жестких заявлений о возможности пересмотра базовых положений ДНЯО. 27 января 1996 г. глава Ливии Муаммар Каддафи выступил с речью, в которой отметил, что арабские страны должны стремиться к самостоятельному приобретению ЯО в качестве противовеса угрозы со стороны Израиля, 30 октября 1998 г. аналогичное заявление последовало от президента Египта Хосни Мубарака. Развитие своей ядерной программы ускорил Иран. На этом фоне про-

шедшие в 2000 и 2003 гг. дискуссии в Кнессете о ядерном статусе Израиля, возможно, были попыткой Тель-Авива напомнить другим странам о наличии у него инструмента для осуществления политики ядерного сдерживания. Некоторые эксперты восприняли это как стремление прощупать возможность отхода от политики ядерной непрозрачности.

Неудача переговоров о создании «безъядерной зоны» на Ближнем Востоке усилила напряженность в регионе. 12 марта 2006 г. Сирия обвинила Израиль в захоронении ядерных отходов на Голанских высотах. 30 марта 2006 г. саммит Лиги арабских государств потребовал превратить Ближний Восток в регион, свободный от оружия массового поражения. 21 октября 2006 г. Объединенные Арабские Эмираты призвали ООН оказать давление на Израиль с целью открыть его ядерные объекты для инспекций МАГАТЭ. 24 января 2007 г. с аналогичным заявлением выступил министр иностранных дел Египта, призвавший Тель-Авив присоединиться к ДНЯО. Ответом стало двусмысленное заявление вице-премьера Ш. Переса 13 марта 2007 г.: «Израиль не станет первым государством Ближнего Востока, которое заявит о наличии у него ядерного оружия. Однако, в отличие от других стран, мы никогда не угрожали его использованием», — отметил он [25].

На этом фоне новую роль в регионе стал играть фактор Турции. На ее территории с конца 1950-х годов находилось американское ТЯО. Согласно экспертным оценкам, на американской базе Инджирлик развернуто около 90 единиц тактических вооружений — гравитационных авиабомб типа В-61. До конца 2000-х годов этот вопрос не носил конфликтного характера, но в феврале 2010 г. бывший генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон признал, что на базе Инджирлик остаются 40–90 ядерных боеголовок США.

7 апреля 2010 г. отставной турецкий дипломат и советник Министерства обороны Танер Байток выступил с сенсационным заявлением о том, что около Стамбула развернуто американское ТЯО. Большинство экспертов усомнились в достоверности этой информации (возможно, речь шла о праве захода американских военных судов с ЯО в турецкие порты в годы «холодной войны»). И все же дискуссия о перспективах пребывания американского ТЯО на турецкой территории активизировалась.

Весной 2010 г. в СМИ действительно появились сообщения о готовности администрации Б. Обамы рассмотреть возможность вывоза из Турции американских тактических боезарядов. Накануне Таллинского саммита НАТО (22–23 апреля 2010 г.) такой вопрос, судя по открытым источникам, осторожно обсуждали в Белом доме, но в контексте переговоров о выводе американского

ТЯО из Германии и Нидерландов Вашингтон не стал создавать неудобный для себя прецедент. Ситуацию с пребыванием тактических вооружений США на территории Турции президент Б. Обама обсуждал с премьер-министром Реджепом Эрдоганом на саммите «Группы двадцати» в Торонто (Канада, 26–27 июня 2010 г.). Официально Анкара выступает в поддержку сохранения американского ТЯО, неофициально же турецкие эксперты высказывают сомнения в целесообразности этой политики.

Трения по вопросам тактического оружия интересны тем, что происходят на фоне общего осложнения американо-турецких отношений. Турция недовольна ситуацией в иракском Курдистане: осенью 2007 г. Вашингтон заблокировал планы Анкары провести военную операцию на его территории. Турецкое руководство озабочено также растущим вниманием США к партнерству с Румынией и Болгарией на Черном море, видя в этом альтернативу американо-турецким отношениям. Соединенные Штаты, в свою очередь, выражали недовольство в связи с фактическим отказом Анкары пропустить в Черное море американские военные корабли в период «Пятидневной войны» вокруг Южной Осетии (август 2008 г.), а также растущей с 2010 г. напряженностью между Турцией и Израилем. На этом фоне Анкара может выступить с инициативами в поддержку создания «безъядерной зоны» на Ближнем Востоке.

Особую роль в вопросе пребывания американского ТЯО в данном регионе играет конфликт вокруг ядерной программы Ирана. Еще в январе 1980 г. администрация Дж. Картера заявила, что Вашингтон готов применить любое оружие (включая ядерное) для защиты монархий Персидского залива; с 1987 г. там находится военный флот США для охраны транзита энергоносителей. В настоящее время официальных данных о наличии американского ТЯО в регионе нет, но технически оно может быть переброшено в короткие сроки при возникновении опасности вооруженного конфликта с Ираном или в случае создания им ядерного оружия. Это может подорвать политику арабских стран по включению Израиля в переговоры о создании «безъядерной зоны».

Для Ближнего Востока, как и для Азиатско-Тихоокеанского региона, характерно растущее ощущение ядерной опасности, которое выражается в первую очередь в восприятии ЯО как оружия, выполняющего не только политические, но и реальные военные функции. Диалог по проблеме ТЯО пока помещен в контекст дискуссий о создании «безъядерной зоны», однако опыт предшествующего десятилетия доказал невозможность быстрой денуклеаризации Ближнего Востока. Это может привести к усилению ядерного присутствия США в регионе.

* * *

За минувшие 20 лет в мире сложились три региона стихийного диалога по ТЯО, предмет которого в настоящее время различен. В Европе речь идет о сокращении количества тактических боезарядов и в целом американского ядерного присутствия на территории стран НАТО. На Тихом океане приоритетную роль играет перестройка отношений США с союзниками – Японией и Южной Кореей. На Ближнем Востоке потерпел неудачу проект денуклеаризации региона, усиливаются предпосылки к расширению ядерного присутствия США. Диалог по ТЯО включает целый комплекс проблем региональной безопасности. В обозримом будущем он может выйти на уровень решения задач, которые не связаны напрямую с вопросами ДНЯО.

Теоретически общий диалог по тактическим вооружениям возможен на глобальном уровне, но он затронет VII статью ДНЯО. Уточнение этой статьи за счет включения в нее положений о правомерном присутствии ядерных держав на территории неядерных государств привело бы к новой волне дискуссий о реформе ДНЯО. В этой связи легальные ядерные страны пока не заинтересованы во включении проблематики тактического оружия в предмет международных переговоров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арбатов А.Г.* Безопасность: российский выбор. М.: ЭПИцентр, 1999.
2. *Арбатов А.Г.* Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984.
3. *Арбатов А.Г.* Нестратегическое ядерное оружие: дилеммы и подходы // Независимое военное обозрение. 2011. 20 мая.
4. *Арбатов А.Г., Дворкин В.З.* Ядерное сдерживание и нераспространение. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
5. *Бочаров И.* Современные подходы США к ядерному сдерживанию // США и Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 4. С. 19–31.
6. *Бочаров И.* Создается ядерное оружие четвертого поколения // Независимое военное обозрение. 2005. 14 окт.
7. *Веселов В.А., Лисс А.В.* Ядерное сдерживание. М.: МАКС Пресс, 2005.
8. Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000 г. // Независимая газета. 2000. 22 апр.
9. Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. // Российская газета. 2010. 10 февр.
10. Ежегодник СИПРИ-2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
11. *Ефимов Н.Н.* Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М.: УРСС, 2006.

12. *Кокошин А.А.* Ядерные конфликты в XXI веке. М.: Медиа-пресс, 2003.
13. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 1997. 26 дек.
14. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (в ред. Указа Президента РФ от 10 января 2000 г.) // Дипломатический вестник. Февр. 2000. С. 3–13.
15. *Макхинджани А., Смит Б.* Ядерный конфликт внутри НАТО // Независимое военное обозрение. 2004. 29 авг.
16. *Николаев К.* Ядерное сдерживание: ретроспектива и перспективы. М., 1989.
17. *Примаков Е.* Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002.
18. Разоружение и безопасность, 1997–1998: Россия и международная система контроля над вооружениями. М.: Наука, 1997.
19. *Рогов С.А.* Перспективы политики администрации Обамы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 3. С. 3–33.
20. Стратегия для России: 10 лет СВОП. М.: Вагриус, 2002.
21. *Трухановский В.Г.* Английское ядерное оружие: историко-политический аспект. М.: Международные отношения, 1985.
22. *Чернов О.* Россия за укрепление стратегической стабильности // Международная жизнь. 2002. № 3. С. 106–115.
23. Ядерное нераспространение: В 2 т. Т. I / Под общ. ред. В. Орлова. М.: ПИР-Центр, 2002.
24. Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
25. Author Says Shimon Peres Persuaded France to Backdate Nuclear Deal with Israel in 1957 // International Herald Tribune. 2007. 20 March.
26. *Berkhout F., Bukharin O., Feiveson H., Miller M.* A Cutoff in the Production of Fissile Material // International Security. Winter 1994–1995. Vol. 19. № 3. P. 167–202.
27. *Braun Ch., Chyba Ch.F.* Proliferation Rings: New Challenges to the Nuclear Nonproliferation Regime // International Security. Vol. 29. № 2 (Fall 2004). P. 5–49.
28. *Brown S.* The Illusion of Control: Force and Foreign Policy in the 21st Century. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003.
29. *Buzzard A.W.* On Limiting Atomic War. L.; N.Y.: Royal Institute of International Affairs, 1956.
30. Controlling Non-Strategic Nuclear Weapons. Obstacles and Opportunities / Ed. by A. Jeffrey, K.J. Klingenberger. Colorado Springs, CO: United States Air Force, Institute for National Security Studies, July 2001.
31. *Dahlman O., Mykkeltveit S., Haak H.* Nuclear Test Ban. Converting Political Vision to Reality. Springer Science + Business Media, 2009.
32. *Drel L.S., Jeanloz R., Peurifory B.* Bunkers, Bombs, Radiation // Los Angeles Times. 2002. March 17.
33. *Garthoff R.L.* Detente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1985.

34. *Garthoff R.L.* The Great Transition American-Soviet Relations and the End of Cold War. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1994.

35. *Gates R.M.* A Balanced Strategy // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88. № 1. P. 28–40.

36. *Gottemoeller R., Miller J.* Remarks at New START Treaty Discussion at the Brookings Institution. Washington, D.C., December 7, 2010 [Electronic resource] // U.S. Department of State [Official website]. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/152658.htm> (accessed: 25.03.2012).

37. *Jonston A.I.* China's New «Old Thinking»: The Concept of Limited Deterrence // International Security. Winter 1995–1996. Vol. 20. № 3. P. 5–42.

38. *Kelleher C.M., Warren S.L.* Getting to Zero Starts Here: Tactical Nuclear Weapons [Electronic resource] // Arms Control Association [Official website]. October 2009. URL: http://www.armscontrol.org/act/2009_10/Kelleher (accessed: 22.04.2012).

39. *Kelly H.G., Levi M.A.* Nix the Mini-Nukes // The Christian Science Monitor. 2002. March 28.

40. *Kokoshin A.A.* Soviet Strategic Thought, 1917–1991. L.; Cambridge: CSIA Studies in International Security, 1998.

41. *Levi M.A., O'Hanlon M.E.* The Future of Arms Control. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2005.

42. *Lieber K.A., Press D.G.* The Rise of U.S. Nuclear Primacy // Foreign Affairs. 2006. Vol. 85. № 2. P. 42–54.

43. *McDermott R.N.* Russia's Conventional Military Weakness and Substrategic Nuclear Policy. The Foreign Military Studies Office (FMSO). Fort Leavenworth (Kansas), 2011.

44. *McGwire M.* Perestroika and Soviet National Security. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1991.

45. *Morgan P.* Deterrence Now. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

46. National Defense Strategy. June 2008 [Electronic resource] // U.S. Department of Defense [Official website]. URL: <http://www.defense.gov/news/2008%20national%20defense%20strategy.pdf> (accessed: 22.03.2012).

47. National Security Strategy for a New Century. May 1997 [Electronic resource] // Federation of American Scientists [Official website]. URL: <http://www.fas.org/man/docs/strategy97.htm> (accessed: 22.03.2012).

48. National Security Strategy for a New Century. July 1999 [Electronic resource] // Federation of American Scientists [Official website]. URL: <https://www.fas.org/man/docs/nssr-1299.pdf> (accessed: 24.03.2012).

49. The National Security Strategy of the United States of America. March 2006 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/> (accessed: 25.03.2012).

50. The National Security Strategy of the United States of America. May 2010 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed: 25.03.2012).

51. The National Military Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction. February 2006 [Electronic resource] // U.S. Department of Defense [Official

website]. URL: <http://www.defense.gov/pdf/NMS-CWMD2006.pdf> (accessed: 23.03.2012).

52. Nuclear Posture Review Report. January 2002 [Electronic resource] // Federation of American Scientists [Official website]. URL: http://www.fas.org/blog/ssp/united_states/NPR2001re.pdf (accessed: 20.03.2012).

53. Nuclear Posture Review Report. April 2010 [Electronic resource] // U.S. Department of Defense [Official website]. URL: <http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20nuclear%20posture%20review%20report.pdf> (accessed: 02.04.2012).

54. *Osgood R.E.* Limited War: The Challenge to American Strategy. Chicago: University of Chicago Press, 1957.

55. *Powell R.* Nuclear Deterrence Theory: the Search for Credibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

56. Reducing the Role of Tactical Nuclear Weapons in Europe: Perspectives and Proposals on the NATO Policy Debate / Ed. by P. Ingram, O. Meier. An Arms Control Association and British. American Security Information Council Report. May 2011.

57. Russia: Arms Control, Disarmament, and International Security. IMEMO Contributions to the Russian Editions of SIPRI Yearbooks (1997–2000) / Ed. by V. Baranovsky, A. Kalyadin. Russian Academy of Sciences. Institute of World Economy and International Relations (IMEMO). M., 2001.

58. *Stocker J.* The United Kingdom and Nuclear Deterrence / International Institute for Strategic Studies (IISS). Adelphi Paper. № 386 (February 2007).

59. Strategic Coercion: Concepts and Cases / Ed. by L. Freedman. N.Y.: Oxford University Press, 1998.

60. Tactical Nuclear Weapons and NATO / Ed. by T. Nichols, D. Stuart, J. McCausland. Strategic Studies Institute, April 2012 [Electronic resource] // Strategic Studies Institute [Official website]. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB1103.pdf> (accessed: 24.03.2012).

61. *Trager R.F., Zagorcheva D.P.* Deterring Terrorism: It Can Be Done // International Security. Winter 2005–2006. Vol. 30. № 3. P. 87–123.

62. The U.S. – Russia Relations after the «Reset»: Building a New Agenda. A View from Russia. Report by the Russian Participants of the Working Group on the Future of the Russian – U.S. Relations. Valdai Discussion Club. M., March 2011.

63. *Woolf A.F.* Nonstrategic Nuclear Weapons. Congressional Research Service. 7-5700. May 29, 2012 [Electronic resource] // Federation of American Scientists [Official website]. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/nuke/RL32572.pdf> (accessed: 26.05.2012).